

Текст · 19 марта 2021, 08:49

Олег Зурман,

«Ты в следующий раз на лбу напиши: "Россия будет свободной"». Воспитательная беседа оперативника из Махачкалы со студенткой

23 января в Махачкале силовики задержали более 70 «вероятных участников несанкционированных акций» в поддержку Алексея Навального. Сама акция так и не состоялась — силовики останавливали всех, кто появлялся на Центральной^[1] площади, включая журналистов и случайных прохожих. Среди задержанных оказалась 19-летняя студентка художественного училища Диана^[2] и несколько ее одноклассников. Когда к ней подошли полицейские, Диана сидела на скамейке. Среди ее ученических работ и набросков был рукописный плакат «Россия будет свободной». Девушку задержали без объяснения причин и отвезли в отдел полиции; протокол на нее не составляли.

После этого Диану и ее родителей несколько раз посетил участковый, затем студентку вместе с отцом вызывали на беседу в Центр «Э». По словам девушки, во время одного из таких разговоров сотрудник полиции потребовал, чтобы она разблокировала телефон, читал ее сообщения и просматривал фотографии.

Одновременно с этим силовики стали приходить и в Дагестанское художественное училище им. М.А. Джемала, где учится Диана — пообщаться с ней и другими «неблагонадежными» студентами в присутствии педагогов.

По словам Дианы, мужской голос на записи, расшифровку которой приводит «Медиазона», принадлежит оперативнику Центра «Э» Гераю Хабибову — студентка узнала его по фотографиям на сайте училища. Хабибов раньше выступал в учебном заведении с лекцией о вреде наркотиков; на сайте он, впрочем, назван сотрудником управления экономической безопасности.

Полицейский несколько раз обращается по имени-отчеству к третьей участнице беседы — Гульнаре Азимовне. Скорее всего, это заместитель директора по воспитательной работе Гульнара Шамсудинова — ее имя также упоминается на сайте училища.

Диана. А это объяснение куда идет?

Оперативник. Куда идет, я вам потом скажу. Вы были доставлены в отдел полиции, правильно? По какому поводу?

Диана. Я не знаю, мне [причину] не озвучили.

Оперативник. Вам не озвучили? А откуда вас доставили?

Диана. С площади.

Оперативник. А на площади что было?

Диана. Не знаю, я сидела на площади на скамейке.

Оперативник. На скамейке сидели? И что вы там делали?

Диана. Нуу...

Оперативник (*перебивая ее*). Сидели.

Следующий вопрос полицейского на записи не разобрать, как и ответ Дианы.

Оперативник. А вас родители в школу для чего отправляют, чтобы вы с пар уходили, прогуливали?

Диана. Я не прогуливала.

Девушка объясняет: часть студентов подумала, что занятий 23 января не будет, а староста, которая могла бы прояснить ситуацию, в этот день отсутствовала.

Оперативник. И надо было пойти на площадь?

Диана снова объясняет, почему она ушла с пар. Полицейский напирает, требуя признать прогул и постоянно перебивая студентку.

Оперативник. Вы не спросили просто-напросто? То есть прогуляли. Часто так прогуливаете?

Диана. Нет, не часто.

Девушка и силовик говорят одновременно, поэтому их слова на записи трудно разобрать. Диана отмечает, что уже говорила о своем проступке с родителями.

Оперативник. Трижды, да? Ну и что родители тебе сказали? Молодец, девочка, прогуливай?

Диана. Они сказали: «Больше не прогуливай».

Оперативник. Так, ты в курсе, что ты была на митинге, который был несанкционирован?

Диана. Я не заметила там никакого митинга. Я пришла туда в полпервого...

Студентка рассказывает: кому-то из ее одногруппниц нужно было купить подрамники, оказалось, что всем по пути, и молодые люди пошли вместе. Диана удивляется, что задержавшие ее полицейские с самого начала знали ее личные данные.

Диана. Однажды...

Оперативник. ...в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз^[3].

Девушка продолжает: однажды полицейские по ошибке задержали ее возле дома, заподозрив, что она «наркоманка» и делает закладки. В отделе у нее забрали телефон и стали читать переписку, но в итоге отпустили с извинениями.

Оперативник. Так цель визита на площадь какая была?

Диана. Просто походить.

Полицейский обращается к «Гульнаре Азимовне», спрашивая об успеваемости Дианы. Женский голос отвечает, что и Диана, и другие студенты, которые пришли на площадь, учатся на четверки и пятерки.

Оперативник. Надо тогда поставить вопрос — если гулять хотят, пускай на площади и гуляют. Надо поставить вопрос об отчислении.

Диана. А то, что я учусь на четверки и пятерки...

Оперативник. Не за то, что ты плохо учишься, за то, что ты прогуливаешь. А то, что ты четверки-пятерки получаешь, у тебя что, две головы, что ли? Остальные все на парах сидят, вся группа.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Диана признает, что, пропустив занятия, поступила неправильно. Силовик продолжает ее перебивать.

Оперативник. И что это за такая позиция, я не понял че-то, как это: я учусь на четверки и пятерки и могу себе позволить все, что хочу, что ли?

Диана. Я же так не сказала.

Оперативник. Ты можешь себе позволить дома все, что ты хочешь, если тебе родители позволяют. Это уже это! Здесь есть определенные (*Бьет кулаком об стол*) правила...

Диана. Я знаю, что нельзя прогуливать.

Оперативник. ...которые нельзя нарушать. Зачем тогда прогуливаешь?

Диана. Я прогуляла, но это было один раз.

Какое-то время полицейский рассуждает об успеваемости Дианы и распекает ее за прогул, а потом снова заводит разговор о митинге.

Оперативник. Как вы все вместе там оказались? Кто-то извне, или ты, или кто-то из одноклассников — кто вам предложил пойти на площадь поучаствовать?

Диана. Никто не предложил пойти на площадь участвовать. Просто мы прогуливались с училища до площади, мы просто шли пешком по городу.

Оперативник. Пешком именно через площадь?

Диана. Нет. Я говорю, с училища до площади мы просто прогуливались, шли пешком.

Полицейский интересуется, почему студенты пошли именно на площадь; Диана повторяет, что ее подруги шли заказывать подрамники, а площадь была просто по пути.

Силовика такой ответ не устраивает, и он повышает голос.

Оперативник. Где, скажи мне, место назначения? Где ваши подрамники продаются? Что ты мне рассказываешь?

Диана объясняет, где находится магазин — на улице Ленина, «ближе к морю». Сотрудник полиции почти кричит, требуя назвать точный адрес.

Оперативник. Ближе к морю? А что, путь проложить через площадь надо было? Нету другого?

Диана. А что мешает?

Оперативник. Я тебя не спрашиваю, что мешает. Я тебя спрашиваю, другого пути короткого нет?

Диана. Мы хотели прогуляться.

Оперативник. Ты тут сидишь, нагло врешь, в глаза смотришь. Вы не прогуляться хотели, вы хотели пойти свою позицию изложить. Излагай вот здесь, я послушаю.

Диана. Что вы хотите от меня услышать?

Оперативник. Я хочу услышать цель твоего визита на площадь! Какую позицию?

Диана. Просто посидеть.

Оперативник. Посидеть? И как, посидела? Довольна? Результатом довольна?

Диана. А как можно быть результатом довольным?

Оперативник. Нет, ты довольна результатом?

Диана. Вы на меня сейчас почему давите? Что я сделала?

Оперативник. Как что ты сделала? Ты уроки прогуляла.

Диана. Я уроки прогуляла — из-за этого полицию вызывают? Из-за этого в участок увозят? Из-за того, что я прогуляла уроки?

Оперативник. Правильно, правильно. Это был несанкционированный митинг.

Диана. Я в нем не участвовала.

Оперативник. Участвовала, не участвовала — ты в нем находилась.

Диана. Я же ничего не скандировала.

Оперативник. К вам человек подходил, сказал: «Дети, вам здесь делать нечего, идите домой». Подходил?

Диана. Ну, подходил.

Оперативник. Подходил или нет? Почему вы не ушли?

Диана. Да, я спросила, почему я должна уйти. Он попросил паспорт, я показала паспорт, мы собирались вставать — и тут нас задержали.

Оперативник. Вас задержали, да?

Диана. Да.

Оперативник. Вы стали спрашивать: «На каком основании, почему мы должны уйти?».

Диана. Я стала узнавать, почему мы должны уйти. Я же могу узнать, почему? Неужели я даже не могу спросить, за что меня выгоняют?

Оперативник. Тебе сказали: «Здесь вам не нужно находиться». Кто ты такая? Ты о себе такого высокого мнения, что ли? Почему к тебе сотрудник полиции старший, который подошел, сказал (*Бьет кулаком об стол*): «Дети, уходите отсюда, здесь вам делать нечего»... Ты кто такая, чтобы тебе объяснять что-то? Если бы он тебе сказал: «Давайте-ка, я забираю вас в отдел полиции» — тогда да. Он подошел, взрослый человек. Подошел: «Эээ, дети вам здесь делать нечего, вы идите, здесь не нужно находиться». Ты... Не знаю... На голову выше всех, что ли?

Гульнара Азимовна. Потом плакат забрали?

Диана. Да, он просто лежал на скамейке.

Гульнара Азимовна. Где он?

Диана. Я не знаю, где он. У меня его сразу забрали.

Оперативник. А ты же мимо шла. С плакатом, что ли?

Диана. Просто там был не только плакат, там были просто мои рисунки, и среди них была бумага, и все.

Оперативник. Какая бумага? Чистый белый лист?

Диана. Нет, не чистый белый лист.

Оперативник. А что там было? Что было написано?

Диана. «Россия будет свободной».

Оперативник. Да? А это для чего ты готовила?

Диана. Как понять, для чего?

Оперативник. Ну скажи, для чего написала этот плакат?

Диана. Просто для себя.

Оперативник. Для себя? В комнату повесить три на четыре, да? Ты в следующий раз на лбу напиши: «Россия будет свободной». Ты сейчас вот здесь сидишь, это самое, и тебя здесь как бы да, с позицией. Ты еще ребенок!

Диана. Мне 19 лет.

Оперативник. Ты ребенок еще, хоть тебе 19 лет. Знаешь, почему? Потому что у тебя в голове какой-то ветер. Ты себе понапридумывала какие-то «а на каком основании» и так далее. Скажи спасибо — тебе бы там показали, как и всем остальным, на каком основании. Ты, наверное, видела по всей России, что творилось.

Диана. Я видела, как на площади... Точнее слышала, как женщина рассказывала, что ее на площади побили.

Оперативник. Побили, да? Хорошо, тогда такой вопрос. Почему какую-то девочку побили, а тебя оставили?

Диана. Ну не знаю. Я не сопротивлялась. Когда мне сказали пройти...

Оперативник. Ты вообще сама веришь во что ты говоришь? Как можно побить ребенка?

Диана. Просто женщина взрослая была, и видео было.

Оперативник. И побили, да? Хорошо. И что случилось с этой женщиной?

Диана. Она заступилась за девочку, и их привезли туда.

Оперативник. И эти вот байки вам рассказывают? Что Россия должна быть свободна, что там основания, третье, десятое, в поддержку за Навального. Я просто хочу понять, кто тебя здесь, кто здесь такие вещи распространяет? Или это у вас в группе здесь такое?

Диана. Здесь, вы имеете в виду, в училище? Никто ничего не распространяет.

Оперативник. Ну а как тогда ты с плакатом туда поперлась? Ни у кого плаката не было, у тебя одной был. Экстремала тебе не хватает в жизни, каких-то острых ощущений? Ты давай это, ты, по-моему, суть не осознаешь этой беседы.

Диана пытается объяснить полицейскому, почему ей небезразлична политическая ситуация в России, но тот ее опять перебивает.

Оперативник. Что значит, ты не понимаешь? Ты так и не поняла, что в незаконных действиях участвовала? Слушай, тебя родители для чего воспитали, накормили, напоили? Чтоб ты прогуливала уроки, ходила на митинги?

Какое-то время все три собеседника пытаются друг друга перекричать, разобрать их слова невозможно. Потом Диана говорит, что все поняла.

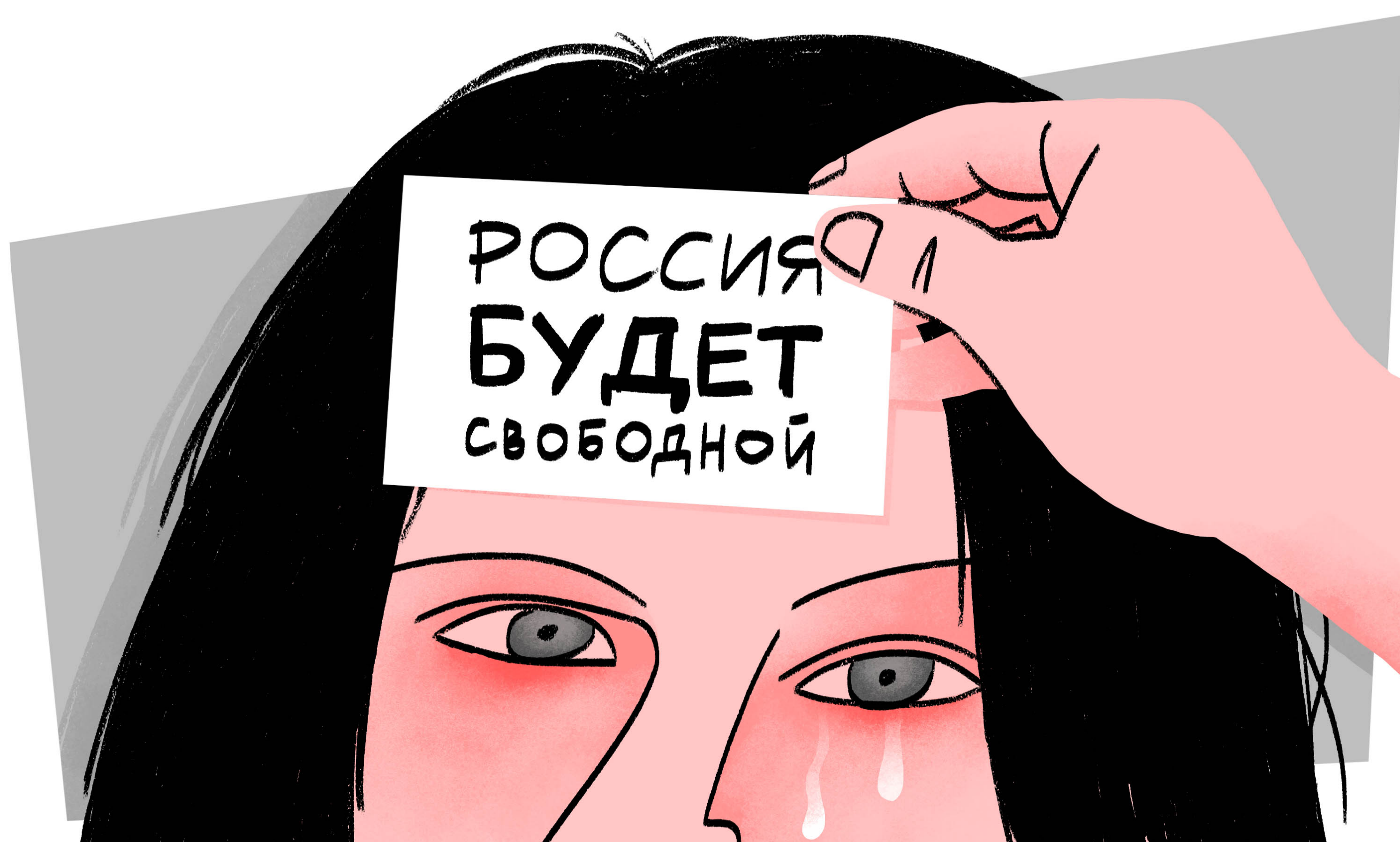

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Оперативник. Сделала выводы?

Полицейский говорит, что из-за появления Дианы на площади «страдают» руководители училища. В ответ девушка напоминает, что подписала предупреждение^[4] о недопустимости участия в публичных акциях.

Оперативник. Слушай, почему из-за тебя должны другие люди страдать, скажи мне, объясни? Забери свои документы и иди на все четыре стороны.

Диана. Почему я должна...

Оперативник. Да потому, что из-за тебя люди страдают. Руководители и зам по воспитательной части в первую очередь! Потому что воспитание детей входит в ее прямые обязанности.

Полицейский принимается читать мораль, повторяя, что студентке нельзя прогуливать занятия, даже если у нее хорошие оценки.

Диана. Я хочу сказать...

Оперативник. Вот так, как ты себя ведешь, мы себя не вели. Когда приходили, говорили, да...

Диана. Вы же не даете мне сказать. Я же вам сказала уже один раз, что поступила неправильно, что пропустила пары. Мне родители сделали замечание. Я им сказала: «Хорошо, больше я пропускать пары не буду». Все, я же вам сказала то же самое, я еще раз повторю.

Гульнара Азимовна. Судя по улыбке на лице, честно говоря, я тебе не верю.

Диана. Нет, я нервничаю.

Гульнара Азимовна. Да?

Диана. Потому что ко мне не в первый раз приходят.

Оперативник. Нервничает, вот, Гульнара Азимовна, я понимаю ее состояние. Почему из-за тебя должно ей прилетать? А ты почему нервничаешь?

Диана. Потому что вы голос повышали на меня.

Оперативник. Голос повышали?

Диана. Потому что я объяснительные уже двести раз писала.

Оперативник. Поверь мне, у меня, в первую очередь, такая дикция. И во вторую, голос такой темберный...

Диана. А у меня защитная реакция — улыбка.

Оперативник. А у тебя защитная реакция, знаешь че? Это потом с твоими родителями, как говорится, поговорим. Вот я тебе говорю еще. Гульнара Азимовна, давайте так, разговаривать смысла нету. Я буду ставить вопрос об отчислении, если будут еще какие-то прогулы.

Гульнара Азимовна. Это однозначно все под контролем, это понятно.

Оперативник. Если прогулы будут, да. По успеваемости все хорошо...

Гульнара Азимовна. Выговор вчера уже получила.

Оперативник. Если прогулы будут... Еще одно дисциплинарное взыскание — до свидания! Документы в руки, и пускай идет получает образование где этот самое, кто там ей рассказывал...

Гульнара Азимовна. Любое нарушение, не поход на митинг, а любое нарушение.

Оперативник. Любое нарушение. Любое нарушение, как говорится, устава школы, училища.

Диана. Угу, ясно.

Оперативник. Плюс будет административная ответственность.

Силовик утверждает, что девушке удалось избежать протокола за участие в акции только благодаря Гульнаре Азимовне.

Диана. Спасибо, я больше так не буду.

Оперативник. Мы надеемся, надеемся, что так больше не будешь.

Полицейский предупреждает, что теперь за поведением Дианы будут пристально следить, а если девушке это не нравится, то ей стоит подыскать себе другое учебное заведение.

Гульнара Азимовна. Если найдешь такое заведение.

Оперативник. Да, если найдешь такое заведение. И там рисуй плакаты и так далее и тому подобное. «Россия будет свободной»! А что, Россия сейчас не свободна?

Гульнара Азимовна. Более, чем все остальные страны.

Оперативник. Россия не свободна? Нет? Россия не свободна сейчас?

На разные лады повторяя этот вопрос, сотрудник полиции и Гульнара Азимовна вместе доводят девушку до слез.

Оперативник. Ответь мне на один вопрос сейчас. Россия не свободна? Ты сейчас не свободно живешь?

Диана (*сквозь слезы*). Свободна, свободна. Более чем.

Оперативник. Ты свободна, ходишь на занятия, получаешь свои отметки.

Диана. И высказываю свое мнение тоже свободно?

Гульнара Азимовна. Высказываешь свое мнение там, где можно это делать. А не на несанкционированных митингах. Вот о чем речь!

Оперативник. Когда будет санкционированный митинг, можешь пойти, высказать свое мнение.

Диана. Спасибо.

Оперативник. А пока мы живем в свободной России, в правовом государстве, надо действовать и жить по этим законам.

Гульнара Азимовна. Мы два дня здесь бьемся за то, чтобы вы здесь продолжали учиться, понимаешь? Мы не против тебя.

Диана. Я понимаю.

Гульнара Азимовна. Если бы мы были против тебя, то в первый же день, в первую секунду приказом об отчислении — и до свидания. А вот эти разговоры во благо ваши.

Оперативник. Вывод, надеюсь, сделает, подумает. Вот как ты прочитала, вот так подумай, посмотри. Это тебе во благо. То, что говорит Гульнара Азимовна, тебе во благо. А то, что Россия свободна или

несвободна — я тебе еще раз задаю вопрос. Ты же не сможешь на него ответить.

Диана (*успокаиваясь*). Задайте, пожалуйста.

Оперативник. Россия — несвободная?

Диана. Нет.

Оперативник. А в чем заключается [несвобода], она в рабстве находится? Или в феодальном строе?

Диана. Нет, просто я считаю... Если я дальше буду вести разговор, то я ни к чему хорошему не приду.

Оперативник (*повышая голос*). Давай, я тебе говорю. Этот разговор будет между тобой и мной, он дальше никуда не пойдет. Вот все люди, которые присутствуют. Мы, я бы даже сейчас тебе объяснил за эту тему, врать не буду. Я с тобой поговорил, надеюсь, достаточно. И я, и Гульнара Азимовна тебе сказали. А в чем несвобода заключается?

Диана. Просто я сейчас знаю, что если сейчас начну говорить, у меня дальше пойдут слезы.

Гульнара Азимовна. Диан, а в чем несвобода? Ты свободна.

Диана (*снова плачет*). Я сейчас просто не могу говорить. Я пока не могу говорить, можно я не буду говорить?

Оперативник. Остынь, попей, скажи. Мне интересно, может, я неправильно думаю. Может, ты

меня переубедишь? Может, действительно Россия несвободна. Может, я ошибаюсь, а может, они ошибаются.

Гульнара Азимовна. Каждый из нас учился в том заведении, в котором хотел. Работаем там, где хотим работать.

Диана. Я просто сейчас не могу [говорить].

Слышно, что девушка не может сдерживать слезы.

Гульнара Азимовна. Замуж выходят за того, за кого хочет выйти. Женится, имеет детей столько, сколько хочет. В чем наше обаяние свободы? В том, что я должна соблюдать какие-то законы, так это во всех странах так. Давайте уберем все законы, тогда у нас вообще, вернемся в первобытный строй. Единственное — мы должны соблюдать законы, это нормально, это правильно.

Оперативник. Это правовое общество.

Гульнара Азимовна. И все. В остальном мы совершенно свободны. Имя даже можем себе выбрать. Вот я сейчас могу сказать, я не хочу быть Гульнарой, я хочу быть Фатима. Напишу заявление — и буду Фатимой.

Оперативник. Нет проблем вообще.

Гульнара Азимовна. Свобода полная.

Оперативник. Хорошо, назови три позиции того, в чем Россия несвободна.

Диана. То, что я назову, выше крыши хватит.

Оперативник. Давай, давай.

Диана. То, что я вышла на площадь, была с плакатом завернутым, сидела, меня задержали. На вопрос о том — да я спросила, за что меня задерживают — мне сказали: «У нас операция ловить неформалов». Они сказали мне и отправили в автозак. Вот я считаю, что если я не могу выйти на площадь, посидеть там, пусть даже с плакатом, но при этом ничего не выкрикивая, не разводя беспорядок или еще что-то, если я не могу этого сделать, я считаю, что я — не свободный человек.

Оперативник. Вот я сейчас тебе на этот твой [ответ] поясню. Ты свободная девчонка, ты свободна в своих действиях абсолютно. Только есть у нас КоАП, Кодекс об административных правонарушениях, где все четко расписано.

Силовик принимается излагать свое понимание законодательства об административных правонарушениях: Диане никто не запрещает выходить на площадь, но только не в то время, когда там проходит несогласованная акция.

Оперативник. Ты вообще знаешь, в каких случаях митинги проводятся? И как они проводятся, знаешь? Сколько людей?

Диана. Я знаю, что нужно согласовывать. Я знаю, что этот митинг, который по всей России сейчас — не согласован.

Полицейский на примере Партии любителей пива, существовавшей в России с 1994 по 1998 год, объясняет студентке порядок проведения публичных акций — основной его аргумент сводится к тому, что членам Партии любителей пива все равно никогда не позволят пить пиво на площади.

Оперативник. Вообще ты в курсе, они [сторонники Алексея Навального] обращались, чтобы провести митинг там на площади, раз ты уже за это говоришь?

Диана. Я не знаю.

Оперативник. Не знаешь. Наверное, нет. Если бы они обращались, и все было в соответствии с законодательством Российской Федерации и Конституции, то проблем бы никаких не было.

Силовик объясняет, что Диане и ее одногруппникам следовало уйти, когда полицейские сказали им уходить с площади.

Оперативник. И я теперь подхожу к тому вопросу. Вы же говорите: свободная Россия — точнее, вы хотите свободную Россию. А почему же вы в этой несвободной России действуете вот так? Если вы такие правильные, у вас все должно быть правильно, а почему тогда этот митинг не был согласован? А как вызывали на эти митинги через соцсети? Выходите, проявите, не оставайтесь в стороне, вот тот борется за вас, за ваши, как говорится, права. А где эти права, в чем они ущемлены?

Полицейский рассказывает, что на митингах в Москве и Санкт-Петербурге были замечены малолетние дети, в частности, некий четвероклассник.

Гульнара Азимовна. Ему просто сказали иди туда.

Оперативник. Вот он пришел. Ладно, хоть у тебя какой-то опыт в жизни. Получила что-то, прошла, как-то до чего-то дошла. Хоть какая-то мысль в твоей [голове]. Почти сформированная личность. Но вот этот мальчик, четвертый-пятый класс — какая у него сформированная личность? Да и у тебя она еще не сформировалась.

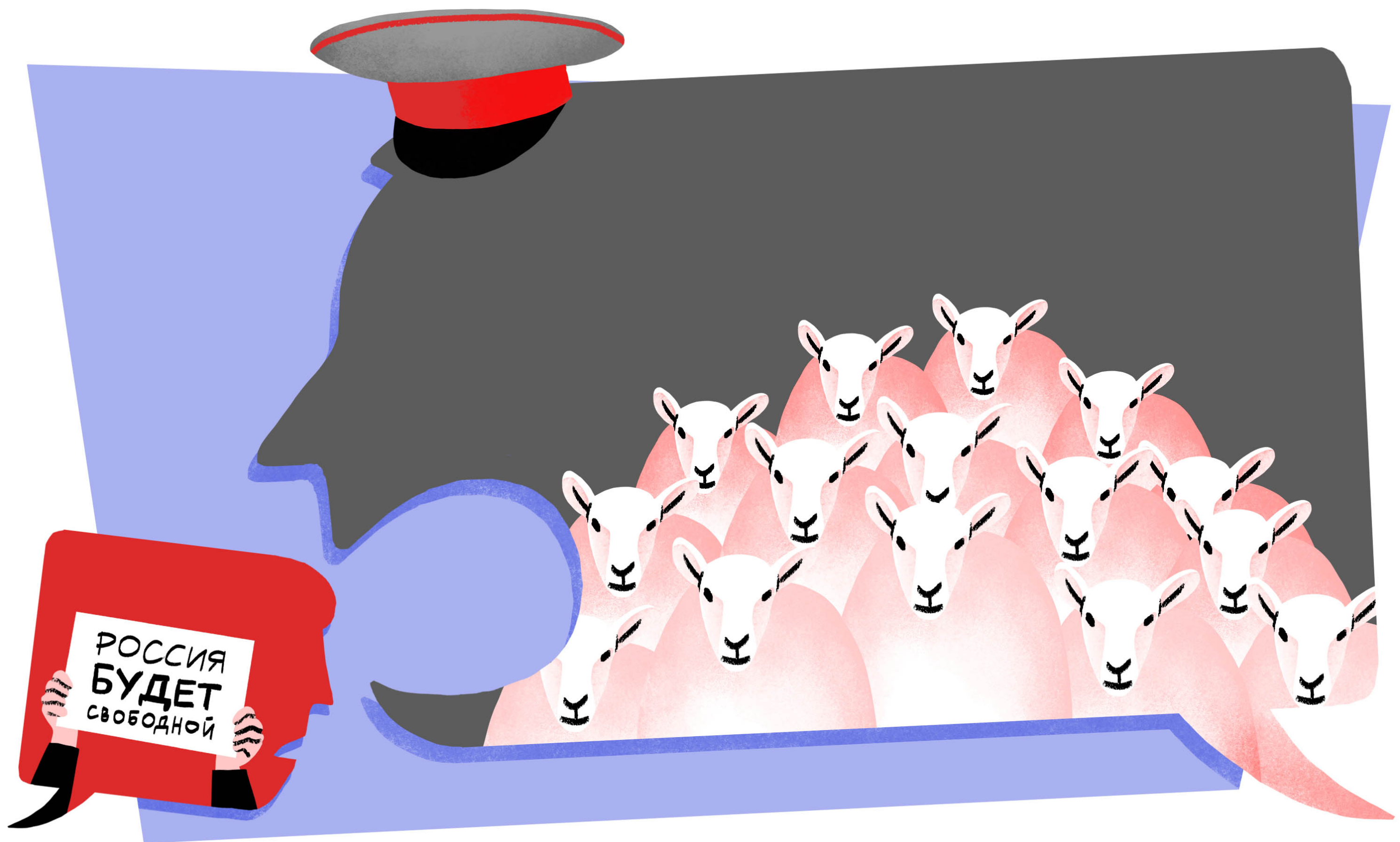

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Полицейский снова принимается поучать девушку, обещая, что через десять лет повзрослевшая Диана будет уже совершенно иначе смотреть на политику.

Оперативник. И почему-то эти, которые там правдорубы, которые говорят, что, вот, Россия не свободна, которые хотят сделать это, это, это — а

почему они сами тогда не действуют? Они кто тогда? Они же в рамках правового поля не действуют.

Диана. Как можно действовать, если...

Оперативник. Что если?

Диана. Или мне лучше не открывать рот?

Оперативник. Нет, мы с тобой просто беседуем.

Диана. Хорошо. Тогда почему?

Оперативник. Ну я же ответил на твой вопрос первый? Если не ответил, то продолжу. Ответил? Давай второй вопрос задавай.

Диана. Хорошо. То есть, если народ хочет что-то изменить, хочет чтобы наконец-то...

Оперативник. Настало светлое будущее, да?

Диана. Хорошо, пусть будет светлое будущее, чтобы настало светлое будущее. Чтобы власть сменилась. Чтобы человек, который сидит у власти столько лет, ушел и... Ну хорошо, давайте другими словами.

Оперативник. Я понял твою позицию, не выбирай слова.

Диана. Ну просто власть должна быть сменяемой? Власть должна меняться?

Оперативник. Я тебе объясню.

Диана. Чтобы человек не обезумел и не, как бы сказать, не вцепился за свое место.

Оперативник. В чем обезумие, подожди? Нет, давай. Между простым народом и властью, давай теперь подведем черту, да. Ты же говоришь, вот там власть, Россия не свободна. Ты вправе своего выбора?

Диана. Я вправе выбирать, голосовать.

Оперативник. Ты исполняешь свой гражданский долг?

Диана. Но я знаю, как проходят выборы.

Оперативник. Нет, подожди. Ты свой гражданский долг исполняешь, ты же ходишь выбирать?

Диана. Первый раз я голосовала в прошлом году.

Оперативник. Я тоже хожу, вот они тоже ходят. Каждый человек вправе в своем выборе. А теперь — при чем тут власть?

Диана. Но ведь...

Оперативник. Что? Давай, не стесняйся.

Диана. Но ведь результаты подтасовывают. Неужели это напрямую на закон не действует?

Оперативник. Хорошо, давай я простой вопрос задам. Ты лично видела своими глазами, что подтасовывают?

Диана. Я видела кучу видеофиксаций того, что происходило на участках.

Оперативник. Послушай сюда, девочка. Ты действительно, у тебя, ты думаешь, что уже как бы повзрослела, дай бог тебе ума. Ума, знаешь в каком плане, чтоб ты своей головой думала.

Диана. Можно я еще кое-что скажу?

Оперативник. Конечно, скажи. Сформулируй, соберись с мыслями, скажи. Это будет все между нами. Это у нас просто беседа.

Диана. Сейчас, секунду.

Силовик говорит, что у них в полиции есть специальный сотрудник, которому можно в любое время позвонить, задать любой вопрос и поговорить «просто как со старшим».

Оперативник. С учетом того, что мы чуть-чуть больше увидели, чуть-чуть больше прожили и чуть больше хинкала съели, отнесись [ко мне] так же — как к старшему.

Диана. У моего папы первая группа инвалидности, у него порок сердца (*Начинает плакать*) с рождения. Он даже не пошел учиться, потому нужны были деньги. Он работал, потому что у него еще двое братьев и сестра. Он не пошел учиться и теперь работает, хотя не должен работать, у него первая — она же нерабочая, первая группа. Получает пенсию, сколько там, я не могу сейчас [точно сказать], не хочу сейчас врать — десять тысяч, 12, я не знаю.

Оперативник. Первая группа повыше получает.

Диана. Да? Ну, может даже больше. Ну вы согласны с тем, что если даже больше, этого не хватает?

Оперативник. Я согласен с тобой, да.

Диана (*Сквозь слезы*). Как же так?

Оперативник. Смотри, поверь мне, девочка.

Диана. Он работает в цеху. Он не должен работать вообще.

Оперативник. Он абсолютно не должен, я с тобой полностью согласен. Послушай, я сейчас тебе скажу.

Диана. Я получаю здесь стипендию 940 рублей. На все мои принадлежности, которые нужно покупать [, уходит гораздо больше]...

Оперативник. Смотри, я тебе сейчас отвечу на эти вопросы. В настоящее время, да, государство должно обеспечивать. Оно и обеспечивает. Мало, много — это уже другой вопрос.

Диана. Если бы не воровали, было бы много.

Оперативник. Подожди. Дай я договорю, я ж тебя не перебивал.

Диана. Извините, пожалуйста.

Силовик рассуждает о том, что Дагестан — дотационный регион, финансируемый за счет федерального бюджета,

а Навальный выступал с лозунгом «Хватит кормить Кавказ».

Диана. Он имеет в виду не самих людей.

Полицейский продолжает монолог о дотациях, бюджетах, фондах, нацпроектах, построенных школах, детских садах и дорогах. Он еще раз напоминает Диане про ее возраст и говорит, что несколько лет назад в Махачкале дороги были в аварийном состоянии, школ и детских садов не хватало, а улицы не освещались.

Диана. У нас до сих пор освещения нет.

Оперативник. Освещения нет у вас? Нууу, я тебе чуть за центральную часть города буду говорить, потому что дороги... Я побывал в России и, в том числе, и в центральной России, и в глубинках тоже небольших, но побывал — там кошмарное состояние.

Полицейский продолжает убеждать студентку, что жить в Дагестане по сравнению с 1990-ми стало гораздо лучше: тогда «Россия стояла на коленях», «реально была разруха». Когда президентом стал Путин, люди начали вовремя получать зарплату. Проблемы есть, но на них нельзя спекулировать — как делает Навальный, который вернулся в Россию несмотря на угрозу уголовного преследования. Спрашивается, зачем?

Оперативник. Для чего? Чтобы вот так массы поднять людей, чтобы этот самый? Да, он сидит спокойно, видеоролики записывает, чтобы вот эти вот умы, которые, да, молодые, маленькие, которые несформированные...

На протяжении 20 минут полицейский убеждает Диану, что фильм-расследование о «дворце Путина» и возвращение Навального в Россию — это провокация западных спецслужб. Если оппозиционер придет к власти, Россию поделят иностранные государства; первыми они заберут регионы, богатые нефтью. После этого силовик пускается в рассуждения о санкциях и персональной ответственности Навального за ухудшение экономического положения простых россиян.

Оперативник. Надо ему [Навальному] сказать: «Спасибо тебе, дорогой друг, ты же наш спаситель, который хочет нам сделать хорошо!». А почему тогда от твоих действий мы вот так вот страдаем?!

Под конец своей длинной речи сотрудник полиции призывает молодежь «думать своей головой», а не быть «стадом баранов», а потом неожиданно советует Диане учить английский или любой другой иностранный язык.

Гульнара Азимовна. Ты когда домой придешь из всего этого мероприятия, [подумай], кто тебе сделал лучше. Вот этот митинг тебе что-то хорошее принес, или [люди, которые] доказывали два дня или сколько, что ты хорошая девочка. Здесь есть люди, которые готовы тебе помочь.

Оперативник. Всегда помогут, в любое время.

Редакторы: Дмитрий Ткачев, Дмитрий Трещанин

-
1. Официально площадь до сих пор носит имя Ленина, но сами горожане называют ее Центральной.
 2. Девушка просила не называть ее фамилию.

3. Полицейский цитирует стихотворение Николая Некрасова «Крестьянские дети».

4. Позже Диана обжаловала законность этого документа, настаивая, что полицейские вынудили ее подписать предупреждение. 15 марта Советский районный суд Махачкалы удовлетворил иск студентки.